

изменение, уничтожение, блокирование информации или вывод из строя компьютерного оборудования либо причинение иного существенного вреда, то ответственность наступает по ч. 1 ст. 349 УК, а если он был совершен из корыстной или иной личной заинтересованности, либо группой лиц по предварительному сговору, либо лицом, имеющим доступ к компьютерной системе или сети, – по ч. 2 ст. 349 УК.

Заметим, что в последней ситуации законодатель не связывает ответственность за совершенное деяние с наступлением каких-либо общественно опасных последствий, т. е. данное преступление по конструкции объективной стороны имеет формальный состав, равно как и аналогичное административное правонарушение. Именно отсюда, на наш взгляд, и вытекают сложности в разграничении данных деяний.

Рассмотрим встречающуюся на практике ситуацию. Лицо, чья персональная страница подверглась несанкционированному доступу, пишет заявление в территориальный орган внутренних дел. На момент поступления заявления, как правило, не известен субъект, совершивший данное деяние, и какой-либо информации о том, совершено ли оно «группой лиц по предварительному сговору либо лицом, имеющим доступ к компьютерной системе или сети», а тем более сведений о наличии у него «корыстной или иной личной заинтересованности» не имеется. И за время проведения доследственной проверки по такому заявлению с учетом объективной сложности самого совершенного деяния необходимости проведения компьютерно-технической экспертизы и часто – направления международных запросов о правовой помощи (поскольку наиболее популярные социальные сети находятся за пределами белорусского сегмента сети Интернет) установить личность подозреваемого, возможных соучастников преступления и их мотивацию, а следовательно, дать однозначную квалификацию содеянному просто не представляется возможным. В итоге проведение проверки заканчивается вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, так как достаточные данные, указывающие на признаки преступления, отсутствуют. Нередко по таким заявлениям сразу же начинается административный процесс, потому как признаки административного правонарушения очевидны. Такой процесс заканчивается прекращением дела об административном правонарушении при неустановлении лица, подлежащего привлечению к административной ответственности.

Исходя из изложенного можно сделать вывод о том, что применительно к деянию «несанкционированный доступ к компьютерной информации» высок не только уровень естественной латентности (многие потерпевшие просто не сообщают о случившемся в правоохранительные органы), но и искусственной, образуемой ввиду необоснованной квалификации уголовно-наказуемых деяний как непреступных в связи с неустановлением виновных лиц, мотивы которых остаются неизвестными.

При этом о сложности расследования и раскрытия подобных преступлений свидетельствует официальная статистика. Так, в 2014 г. по ст. 349 УК было возбуждено 87 уголовных дел, а привлечено к уголовной ответственности только 9 человек, в 2015 г. соответствующие данные составляют 102 уголовных дела и 6 лиц, привлеченных к ответственности. При этом за 2016 г. только количество фактов несанкционированного доступа к компьютерной информации возросло в 2,5 раза (с 102 до 258). Как поясняют представители самого Управления по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (Управления «К») через официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, последнее объясняется «усилением контроля за соблюдением законности на местах при принятии решений по материалам доследственной проверки в сфере высоких технологий».

Однако очевидно, что одним лишь усилением контроля за законностью принципиально решить данную проблему не представляется возможным, так как искусственная латентность в рассматриваемой ситуации имеет объективные причины, в частности невозможность в сжатые сроки доследственной проверки установить виновных лиц, от мотивации которых напрямую зависит вопрос о квалификации содеянного как преступления либо административного правонарушения. При этом принцип законности при принятии решений никаким образом не нарушается.

Таким образом, сложившаяся проблема имеет два возможных пути решения. Первый – рекомендовать (например, путем закрепления в Постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь либо разработки методических рекомендаций и направления их в соответствующие подразделения) в случае неустановления лица, совершившего несанкционированный доступ к компьютерной информации, во всех случаях возбуждать уголовное дело по ч. 2 ст. 349 УК по признаку «иной личной заинтересованности», которая всегда определенным образом проявляется при совершении подобных преступлений (например, в виде проверки лицом своих навыков и способностей к осуществлению самого несанкционированного доступа и преодолению систем защиты). Второй – изменение действующего законодательства путем исключения из КоАП ст. 22.6 и дословного ее перенесения в ч. 1 ст. 349 УК. Такая кардинальная мера, на наш взгляд, существенно повлияет не только на снижение уровня искусственной латентности рассматриваемого вида преступности, но и уровня ее естественной латентности, так как любой потерпевший будет уверен, что его заявление станет поводом для возбуждения уголовного дела и проведения комплексного расследования. По этой причине мы придерживаемся второго пути решения данной проблемы.

УДК 343.985

П.Л. Боровик

ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Анализ практики расследования преступлений в сфере оборота порнографической продукции с участием несовершеннолетних показывает, что духовный аспект жизни лиц, их совершающих, предметно не изучается, комплексного исследования этой проблемы не проводилось. Вместе с тем для понимания причин и условий, способствовавших совершению этого вида деяний, принятия адекватных мер их профилактики и воздействия, направленного на перевоспитание осужденных,

имеют значение именно такого рода сведения. Все это обосновывает актуальность обозначенной темы и обуславливает задачи исследования.

Так, уголовно-правовые меры противодействия преступности в сфере нравственности не являются основными. В литературе отмечается, что правовое регулирование в силу своей специфики не может и не должно проникать во все сферы социальной действительности. Целесообразно учитывать, что рассматриваемые преступления происходят в условиях интенсивного социального расслоения общества, падения жизненного уровня значительной части населения, неблагоприятного развития семейно-брачных отношений, роста различных проявлений жестокого обращения с детьми. В этой обстановке особое значение имеют социальные факторы, которые оказывают влияние на формирование причин и условий, способствующих выбору противоправного поведения, угрожающего морально-нравственным устоям общества.

В условиях антропогенного прогресса, господства рыночных отношений, роста благосостояния и развития материально-го начала государственно-властные воздействия на общественные отношения не всегда приводят к ожидаемым результатам. Полагаем, что это связано с тем, что детерминантом указанных деяний является распространившаяся в нашем обществе система морально-нравственных ценностей и устоев, с позиции которой каждый человек в повседневной жизни оценивает свои или чужие поступки по отношению к обществу или отдельному его члену исходя из понятий о добре и зле, любви и ненависти, справедливости и несправедливости и т. д.

Преступления в сфере оборота порнографической продукции с участием несовершеннолетних являются разновидностью деликтов против нравственности и объективно направлены на отрицательное воздействие на эмоционально-духовную сферу общественных отношений и негативное изменение убеждений, привычек, взглядов субъекта правоотношений в области половой морали. В толковых и энциклопедических словарях нравственность рассматривается как «...особая форма общественного сознания и вид общественных отношений», «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами», «...совокупность норм, правил поведения человека в обществе и природе, определяемого этими качествами». В теории права общественная нравственность традиционно толкуется как «...взгляды, представления и правила, возникающие как непосредственное отражение условий общественной жизни в сознании людей в виде категорий добра и зла, похвального и постыдного, поощряемого и порицаемого обществом, чести, совести, долга и т. д.». Таким образом, нравственность представляет собой социально-этическую категорию, определяющую уровень духовного развития (систему качеств), которая направлена на оценку поступков члена общества и характеристику морального вреда, причиненного обществу в целом от противоправного деяния.

Среди нравственных характеристик особое место занимает духовность – собственное представление человека о сохранении отношения, определяющее его поведение. Образуя интегративную причину различных преступлений, именно духовность обладает ведущей ролью в механизме преступного поведения, определяемой основной причиной формирования мотива, предшествующей ему; управляемой многими физиологическими процессами (А.А. Толкаченко, 2006 г.). Так, сознание индивидуума, являющееся доминирующим в его поведении, окончательно оформляет мотивацию как психо-духовный процесс, детерминируя «пуск» мотива в действие, что и делает человека ответственным за деяние (Л.В. Кондратьев, 2001 г.).

В этой связи заслуживает внимания воззрение о том, что система социальных причин преступности и профилактики преступлений, выработанная криминологией, в практическом отношении неэффективна без духовного сопровождения. Здесь следует согласиться с позицией О.П. Виноградовой (2011 г.), которая отмечает, что духовно-культурные ценности важны для формирования гражданского общества не меньше, чем материальные блага, поскольку экономически благополучное общество не может считаться гражданским, если в нем утрачены религиозно-нравственные и духовно-культурные начала.

Выхолащивание духовности приводит к морально-нравственной деградации общества, в котором деньги постепенно превращаются из средств, необходимых для удовлетворения потребностей человека, в основную цель, а традиционные человеческие ценности (семья, дружба, целомудрие) перестают занимать доминирующее положение. В условиях духовного кризиса отдельной части общества средства массовой информации и производства так называемой массовой культуры нередко становятся орудиями нравственного растления, воспевая и превознося половую разнузданность и всевозможные полвые извращения, детерминирующие, по нашему мнению; противоправные формы поведения, граничащие с антиобщественной деятельностью. Особенно это касается участвующих в изготовлении и обороте порнопродукции несовершеннолетних, личность которых еще только формируется, а неустойчивость их ценностных ориентаций морально-нравственного плана и недостаточно высокий уровень правосознания создает предпосылки к решению своих материальных проблем криминальным путем.

Решающим средством в профилактике преступлений в сфере общественной нравственности и условием преодоления негативного влияния внешней среды, особенно на подрастающее поколение, является, на наш взгляд, участие в этом процессе и общества, и церкви. Еще в древней Греции философ Платон утверждал, что свои понятия о нравственности человек «черпает из вечно существующей, независимой от земной жизни, от материального мира идеи добра». О неотделимости нравственности и религии писали М.Т. Цицерон, Ф. Бэкон, Ж.Ж. Руссо, Вольтер, М. Робеспьер, К.А. Шмидт, А. Шопенгауэр, В.М. Вундт, Б.Н. Чичерин, И.Ф. Герbart, Г. Спенсер, А. Смит и др. Обладая мощным потенциалом, религия способна реально помочь возрождению общества, внести огромный вклад в развитие духовности и нравственности людей, стать прочным фундаментом на пути наполнивших общество многочисленных пороков, в том числе связанных и с оборотом порнографической продукции с изображением несовершеннолетнего.

Вышеизложенные рассуждения позволяют сформулировать следующие выводы:

полноценное противодействие преступлениям в сфере оборота порнографической продукции с участием несовершеннолетних, устранение причин и условий, детерминирующих выбор противоправного поведения, угрожающего морально-нравственным устоям общества, неэффективно без духовного сопровождения и может быть достигнуто лишь на основе

взаимосвязи правовых и религиозных норм, нацеленных прежде всего на духовно-нравственное воспитание человека и его правопослушный образ жизни;

при расследовании преступлений в сфере оборота порнографической продукции с участием несовершеннолетних важно устанавливать духовные аспекты личности лиц, их совершающих, для выявления пробелов, принадлежности к той или иной религиозной конфессии и привлечения духовенства к деятельности по профилактике этих видов деяний.

УДК 343.2

С.А. Боровиков

О ПОЗИТИВНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Любой вид юридической ответственности предполагает наличие предварительно установленных к поведению требований и ограничений, закрепленных в нормах права. Их несоблюдение вызывает соответствующую реакцию со стороны уполномоченных государственных органов на обозначенные действия. Этот вид юридической ответственности традиционно называют ретроспективной или негативной (например, он может быть выражен в форме взыскания, пени, наказания и т. п.). Наоборот, соблюдение требований вызывает положительную оценку поведения не только другими субъектами взаимоотношений, но и уполномоченными государственными органами. Такой вид ответственности в общей теории права, а также иногда и науке уголовного права именуют «позитивной» или «перспективной», реже – «добровольной».

Вполне понятно, что любые слова в форме требований, которые не являются декларированием, должны при необходимости найти соответствующее подкрепление. Действительно, если человек не соблюдает эти требования, нарушает их, то должна следовать реакция уполномоченного государством органа, заключающаяся в принудительном негативном воздействии на лицо, а ее отсутствие указывает на пробелы организационно-правовых механизмов реагирования либо неэффективность, слабость институтов государства. С другой стороны, если человек соблюдает эти требования, то негативная реакция выглядит абсурдно, логичным представляется вариант с положительным подкреплением либо с отсутствием реакции в целом. Очевидно, что соблюдение правил поведения в обществе – это норма, а преступление – отклонение от нормы. Уголовный закон принят именно для предупреждения последних.

Следует согласиться с мнением Л.Л. Кругликова и А.В. Василевского о том, что уголовная ответственность характеризуется обязательным наличием объективного и субъективного аспекта, что предполагает реальное претерпевание принуждения с осознанием лицом этого в связи с совершенным им деянием. Встает вопрос: какая должна быть реакция у человека, для которого соблюдение обозначенных требований к правомерному поведению является естественной потребностью? Полагаем, здесь говорить о принуждении к тому, что для субъекта является нормой, нельзя. Обозначенное принуждение для него таковым не выглядит и фактически ничего не дает. В таком случае какова должна быть реакция государства на соблюдение тех требований, которые предъявлены субъекту, какие действия последуют? Логично предположить, что должна быть официально дана положительная оценка такому поведению конкретного человека, хотя осуществить это очень непросто. Во-первых, следует учитывать, что лицо выполняло обозначенные требования как потребность, необходимость соблюдения определенных норм, отрицание которых оно рассматривает как конфликт с собственной системой ценностей и убеждений. Во-вторых, указание на неприменение мер принуждения или общее одобрение поведения людей выглядит неубедительно. Реакция должна быть явной, фактической, конкретно направленной, но не абстрактной. Полагаем, что подобные иллюзии в уголовном праве не способствуют упорядоченности.

Д.А. Липинский утверждает, что возможны следующие варианты положительной оценки: «молчаливое одобрение со стороны государства», производство проверки с вынесением процессуального решения, поощрение. Полностью согласиться с этим утверждением нельзя, так как «молчаливое одобрение со стороны государства» неопределенного числа граждан по своему содержанию никак не может рассматриваться в качестве хоть какой-либо государственной оценки. Представляется, что соблюдение запретов, установленных в уголовном законе, является персонифицированной обязанностью каждого. За их выполнение закон не предусматривает поощрений, предполагая, что соблюдение положений закона является собой неотъемлемую характеристику нормального поведения субъектов общественных отношений. Преступление же, наоборот, является собой отклонение от установленной государством в законе нормы поведения.

Полагаем, что значимая положительная оценка выполнения требований, которые государство предъявляет в той или иной сфере общественных отношений, на практике встречается гораздо реже, чем отрицательная. К таким случаям можно отнести, например, государственную оценку трудовой деятельности человека или экономической деятельности коммерческой организации. Она допустима в сфере гражданско-правовой ответственности, возможно дисциплинарной (различного рода поощрения, денежные премии, награды и пр.). В уголовном праве подобного нет. Применительно к сфере уголовной ответственности можно говорить о положительной оценке поведения лица, которое совершило определенные в законе действия. Эти действия могут быть выражены в добровольном отказе от совершения преступления, деятельном раскаянии и т. п. Они направлены на исключение, смягчение, заглаживание вреда, который был причинен в ходе совершения преступного деяния. Примеры такого смягчения можно обнаружить в нормах Общей и Особенной частей уголовного закона (ст. 75, 76 УК РФ или примеч. к ст. 126, 205, 222 УК РФ).

Аналогичное мнение было высказано И.Э. Звечаровским, полагающим, что подобное освобождение нельзя считать позитивной ответственностью.